

Михаил Рабинович

Недоразбуженные люди

«К сожалению, присланные Вами...»

Редактор читает стихи
и грызет морковку.
Не то чтоб они плохи,
но ему неловко
не то чтоб от рифм и стилия –
а сидеть в галошах.
С работы его отпустили,
но он хороший,
ответственный и осторожный
сотрудник журнала.
Он переживает: кого ж нам
напечатать. И мало
того, что на улице грязь
и за лужей лужа,
так еще чужих строчек вязь
и морковка на ужин.

* * *

Меня не любит критик Топоркова.
Я ей неинтересный человек,
и дольше века длится ее век
дрожанье после первого же слова
в моем рассказе вялом. Критик спит.

Спустилась ночь стремительным сюжетом,
домкратом – Топоркову лунным светом
лаская. И не я – другой пиит
любезен ей до колик, пробуждая
то чувства добрые, то просто на заре.
А я один, как муха в январе,
а в янтаре истории – другая
других увековечит. Пауком
наш век дрожит, и истина в сюжете,
домкрате. Критик выбирает сети,
когда идет к пииту босиком.
Когда б вы знали, критик Топоркова:
растут стада, не ведая стыда,
ведь даже в графоманах иногда
нет-нет, да отзовется ваше слово
печатное. Печаль моя, звеня,
сверкая в лунном свете, бьется, длится
все дольше, ночь. Газетная страница,
где Топоркова пишет про меня.

* * *

Стучится вечными словами
в окно осенняя вода,
и если б кот читал трактаты –
хвостом бы листья помечал.
На подоконнике вселенной
проснулся рано и урчит,
и расставляет запятые
в диктанте хмурого дождя.
Недоразбуженные люди
не пошевелият пальцем уж:
коту не свойственна тактичность,
когтистость свойственна коту.

* * *

Осенняя миграция котов,
которой и весной-то не бывает,
заметна всем, кто плохо к ней готов, –
их мало – кот заплакал – но зато
коты летят на юг, собака лает,
и ветер носит, и висит пальто.
Коты летят шеренгою по три
в пределах очертания квартиры,
не видно их, хоть тщательно смотри,
но слышен их движенья нежный ритм
в такт радио, что вечно правит миром,
когда звучит музыка изнутри.
Коты в полете – больше, чем коты,
но меньше, чем слоны и бегемоты.
Пальто висит на складках пустоты.
Себя, бывало, спросишь: «Это ты?» –
а отвечать чего-то неохота,
особенно с небесной высоты.

* * *

Над лысоватым пассажиром на станции почти пустой
простая бабочка кружила, сияя тихой красотой.
Она покинула свой кокон не для себя, не для него.
Огни из привокзальных окон не освещали ничего.
Вот кружим так без остановки, не разбирая цепь дорог,
а кто-то лысый и неловкий мешок поставил возле ног,
в котором – гроздь винограда, неразличимые пока.
Стояла женщина с ним рядом, согнув колено свысока.
Вот так живем, не понимая, зачем молчим, зачем кричим,
и пролетает птичья стая без объяснения причин.
Не отвечая на вопросы, седой рассеялся туман,
и кто-то лысый и раскосый пытался завести роман,
смотрел в глаза и на колено, не видел больше ничего.
Над бесконечную вселенной кружилась бабочка его.

* * *

Я написал плохой рассказ и слабое стихотворенье.
Ужели мой талант угас, ушло навеки вдохновенье...
Строка бежала за строкой, к читательнице шел читатель,
а нынче шевельнуть рукой могу лишь для других занятий.
И добродушный мой оскал, и гуманизма свет и тени
все находили, кто искал накал в моих стихотвореньях.
Любезен буду лишь котам за чувства добрые и крышу.
Другой, возможно, кто-то там поэму целую напишет,
а я – молчу, себе назло, готов достойно встретить старость.
Хоть вдохновение ушло, но хорошо, коты остались.

* * *

Вот у кого сломался аксель, тот из машины если выйдет,
то к мужику пойдет в тулупе и скажет: «Вася, где твой ключ?» –
а коль в тулупе не Василий, а Педро или Мураками, то скажет:
«Я клиент твой, Кэвин, чини машину поскорей».

А у кого плохой начальник, тот утром бродит черно-белый –
как старый телевизор с линзой – себя расческою прижав,
и, кран закрыв водопроводный, в часы печали устремляясь,
в метро в такую дверь заходит, что лучше выйти из нее.

А у кого в тюрьме и теща, и тесть, и их котенок Мурзик, тот
за родных переживает, компот в столовой не берет,
а ест сырые макароны, что заплелись лихой судьбою в непроч-
ный неприятный узел – отнюдь не тещины блины.

А у кого в квартире мыши, тот думает не понарошку – шуршат
вчерашие газеты, как мышеловка жизнь пуста,
а у кого в руках ворона – тот орнитолог или повар: профессий
много есть хороших, но есть немало и плохих.

Кто вышла замуж неудачно, той во Вселенной беспорядок
заметен меньше, чем барану замок на новых воротах,
а у кого рога большие – скорей всего, олень, – но страсти
в его душе бушуют тоже и недоступны мудрецам.

Кому не носят телеграммы, полковники кому не пишут,
не пишут даже рядовые и беспартийные молчат,

тот все равно в глаза напротив посмотрит будто бы весною,
чтобы суровую надежду к суровой жизни возвратить.

А у кого четыре пики, тому с бубен ходить не надо, не надо
в магазин за водкой, а вспомнив про от двери ключ,

ему вернуться надо в лоно любви, надежды, тихой славы,
в котором даже воскресенья не после дождичка в четверг.

А чей грохочет холодильник в тумане неба голубого,
тот философские проблемы всегда оставит в стороне –

но даже он нет-нет, да вспомнит: первично тело, дух иль нечто,
где те три составные части и счастье, воля и покой?

А у кого помялись брюки, то это, может, лишь начало
в ряду грядущих невезений – тот соус на себя прольет,

потом вино, потом колбаску уронит жирной стороною
на ту же мятую штанину – но, может, это и конец.

А у кого кипенье мыслей и радостных идей полеты,
тот спит предвестником рассвета зубами к стенке все равно,

и озабоченные складки на лбу его к ушам спадают:
то аксель сломанный приснится, то шеф, то Мурзик – то весна.

Нью-Йорк

